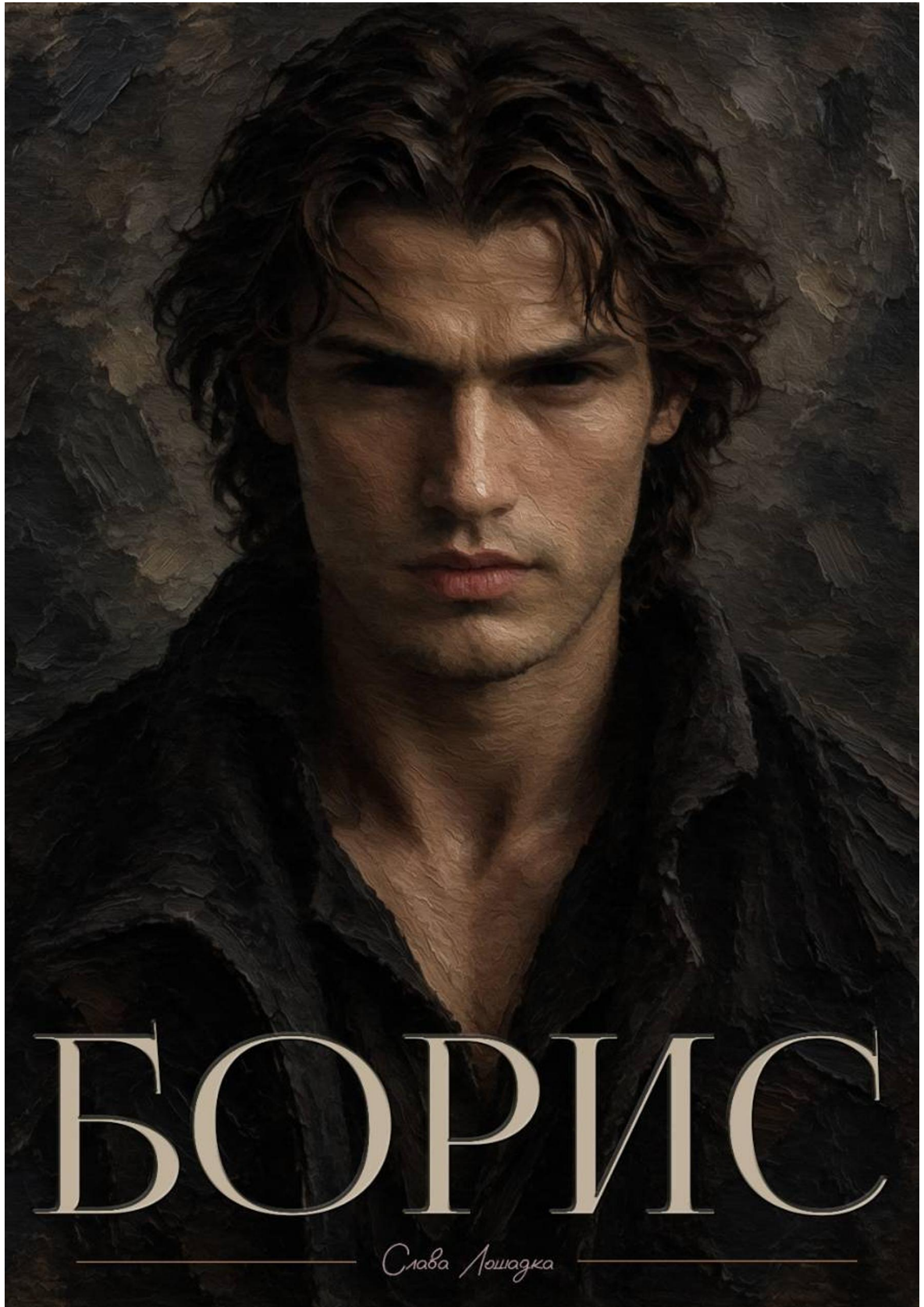
БОРИС
Слава Лошадка

Слава Лошадка

Борис

«Автор»
2026

Лошадка С.

Борис / С. Лошадка — «Автор», 2026

Одним жарким августовским днём, трое учёных — очень разные внешне и внутренне, но объединённые жаждой открытий, обнаруживают, что благодаря случайности, их псевдонаучный, тайный эксперимент удался. Теперь, на свет появилась новая жизнь, но появление её, несёт с собой лишь усугубляющуюся жару, смятение людских разумов и смерть. Прекратить воцарившийся хаос экспериментаторы не в силах — разрушительная сила их творения опасна прежде всего им самим. И действует, не угнетая, не принуждая, а покупая и подкупая души...

© Лошадка С., 2026
© Автор, 2026

Слава Лошадка
Борис

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

На опушке, во дворе деревянного особняка затерявшегося в гибких ветвях берез колыхаемых августовским южным ветром, на плетеных ротанговых креслах попивает обеденный чай троица. Разговор неспешен, даже несмотря на злободневность темы, и лишь по нетерпеливым жестам и взглядам, бросаемым в сторону извилистой тропки, заметно — они кого-то ждут. Троица эта, представляет собой собрание мировых светил на отдыхе.

Марк — хозяин дачи, коему она досталась в наследство от покойного отца. Он в пижаме, не снятой по рассеянности еще с ночи и потирающий то и дело седой череп закусанный комарами. Полнотелый, гладкий и покатый, с глазами напрочь лишенными интеллекта. Блаженный полоумный, но это лишь на первый взгляд. На деле, умнейший человек в своей области конечно, а область эта, на минуту: квантовая физика, механика. Марк залез в науку с головой, и не отвлекаясь больше ни на какие другие дела, так там и остался. За что втихаря его звали аутистом, на что он опять же не обращал никакого внимания. Вот такой он — чокнутый профессор, живущий с мамой и не умеющий сам себя обслужить. Наука, и все — за ней ничего. Но есть только одно желание кроме работы. Внушил он себе, что желает прославиться, по невнятному завету отца, мечтающего о том же, или еще по какой причине: но что есть, то есть.

Второй — сорокапятилетний Андрей Хворостинский, не в пример погодку Марку, аккуратно выправленный, с постриженной черной бородкой, в «воротничке» и полосатом шерстяном жилете несмотря на жару, только потому, что так красивей и совсем по-английски. С оттопыренным от чашки мизинцем и ироничной улыбкой. Впрочем, самонадеянной до безобразия, да и весь он самонадеянный, отглаженный и начищенный как и его идеально белые зубы, выступающие вперед немного, но придающие озорства и моложавости. Он единственный из компании женат — на своей ассистентке, такой же отутюженной и лакированной Белле, двадцатью годами моложе. Строгой и высокомерно и кажущейся старше, поскольку никому еще не прибавлял юности престарелый муж, а наоборот. Да и холод ее серых глаз, пучок из льняных волос и сжатые в полоску губы, будто кричат, что женщина она неприступная, правильная и успешная — недаром жена завкафедрой института естественных наук.

Третий присутствующий — никогда не довольный собой, своей внешностью и состоянием, но упорно не желающий трудиться во имя исправления недостатков, зато гораздо моложе остальных. Несуразный, с тонкими пегими волосами до плеч, пегим, сосредоточенным лицом и нервными движениями. Беспристанно поправляющий очки, субтильный, мелкий, лопочащий и заискивающе смеющийся невпопад — Килька. Так прозвал его Хворостинский, после заявления, что на зарплату научного сотрудника, из мясного меню можно полакомиться лишь килькой, да и то не чаще раза в неделю. Этим высказыванием, парень заслужил себе прибавку к жалованию в виде особой стипендии — для особо одаренных и особо перспективных умов, а в придачу к стипендии — прозвище. И так крепко оно зацепилось, что через пару дней, мир напрочь забыл его настоящее имя. Да и нам, до поры, его знать не обязательно.

— Где же Белла? Сколько можно ждать? — Нетерпеливо восклицает Килька, закатывая вверх близорукие глаза.

За его взглядом тут же устремляются остальные. Хрупкие березовые листочки цвета свежего лайма, а через них — голубое небо и лучи солнца в зените. Беллы там нет. Андрей улыбается лучезарно, на вид спокоен, но в зрачках — огонь.

Марк, вдруг вздрагивает, бледнеет, оглядывается, будто потеряв что-то, смотрит вопросительно на старый дом и бормочет:

— Не понимаю, как вообще такое возможно? Квантовая частица — отрицательная частица, прошедшая через имитатор, после соприкосновения со случайно пролитым кофе — ожила! Надо же, какая случайность…

— Если бы в этом закрытом от цивилизации месте был интернет, Белла незамедлительно выслала фото и видео, а так, ждём, — бубнит Андрей. — Вот и отпуск насмарку! Единение с природой, старая отцовская дача… Здесь и дорог-то нет, только по железке, по старинке, на поезде! Хорошо хоть стационарная связь сохранилась.

— А как бы мы отдохнули? Нас достали бы и на Марсе!

— А здесь, не Марс? Так же далеко и пустынно, — вмешивается в разговор Килька, – к тому же, нас достали и здесь!

— На этот раз, не без повода!

— Не без повода! — повторяют коллеги друг за другом, — не без повода!

Вперивают нетерпеливые взгляды в тропинку, на разухабистую ель, что лапами закрывает обзор.

— Здесь рыбалка хорошая! - последний довод Марка.

— Где мы ни разу не были!

— Кто мешал?

— Вы же и мешали коллега, спите до обеда, ленитесь собрать снасти и думаете на отдыхе только о работе!

— Тебе ли говорить Килька, тебе ли. У тебя все разговоры о схождении сфер.

— Вот, вот, а ты — «рыбалка»! А не я ли вам говорил, что из-за схождения возможно перестроение частицы, запуск, говорил? Говорил, что жди теперь чуда? Ведь и само схождение не иначе как чудо!

— Чудо! Может где-то ошибка? Перепроверить надо семь раз! Семь раз отмерь — один отрежь!

Вмешивается Хворостинский:

— Наш случай, противоречит этой поговорке. Здесь как раз цепочка случайностей. Случайный запуск сфер, случайное дальнейшее их схождение и частица, с отрицательным зарядом попавшая случайно в кофе разини Беллы. Не иначе, вмешательство высших сил!

Коллеги кивают, в этот раз все согласны. Кто-то сверху, невидимым перстом руководит экспериментом, сокрытым, к слову, от любопытных. Это их тайна, на троих, не считая Беллы, следящей чтобы во время их отпуска ничего не нарушилось в заданном цикле эксперимента. Не уследила — нарушилось. Но может оно и к лучшему — это как посмотреть.

И снова шелест листьев, скользящий и ласкающий их ветерок, стрекот кузнечиков в зарослях некошеной травы. Запах сочного прелого леса, старого дерева и затхлой воды от озера за перелеском. Безмятежность и покой дикого места, со своими хлопотами.

Птицы готовятся улетать в теплые края, насекомые жужжат и гудят в попытке урвать еще немного тепла и жизни и среди этого великолепие — трое друзей разных по виду и положению, но накрепко объединенных одной тайной, целью и идеей. Наукой, жаждой открытий, желанием понять цель существования мира — копнуть и поворочать привычные научные гипотезы, заглянуть под занавес тайны мироздания, проследить всю цепочку, от большого взрыва и до создания планеты Земля.

Теперь, стадия зарождения жизни — то, к чему стремились они долгими попытками поменять привычное и запустить процесс, хотя бы и двигаясь от обратного. От отрицания. Нет, никто из них не планировал стать Богом, Творцом — просто извечное человеческое любопытство, плюс гений, и вуаля.

Через год после запуска имитатора вселенной — сдвиг. И снова случайность, присутствующая наверняка у всех первооткрывателей и экспериментаторов. Словно по щелчку. Вчера было не время и не место, а сегодня — самое оно. Вчера было рано и незрело — сейчас же, момент икс.

Озорной солнечный луч, застывший на одной из сфер, использовавший ее как линзу для накала всей цепи, схождение цепи в одно кипящее ядро и в этом ядре формирование оптимальных условий к зарождению жизни. Дальше — выход частицы, кофе и недоуменный крик Беллы в телефонную трубку: «Одноклеточное! Частица сформировалась в одноклеточное!».

И ожидание. Тягостное, нетерпеливое, но полное восторгов и гордости: «Получилось! Вышло, ёшкин-ты…». Но, как степенные ученые мужи, они не могут себе позволить лишних эмоций, а потому: «Пусть придет Белла и докажет еще, стоит ли прерывать наш отпуск…».

Томительно ожидание, хочется сорваться и нестись, но, нет. Друг перед другом не положено, перед всем научным сообществом не положено, да и неловко как-то.

Разговор стих, каждый думает о своем и солнце из зенита переходит в сторону горизонта, кузнечики остервенело верещат на закат и чай давно уже выпит — но нет сил двигаться. Сковало члены в отупелом ожидании и сердца уже не колышутся в радостном предвкушении, а только досада за неторопливость Беллы, злые взгляды, бросаемые на навязчивую ель закрывающую обзор и мысленное обещание срубить ее при первой возможности.

Наконец в тот момент, когда Марку приспичило в уборную и он встал, распространяя запах пота от пижамы. Когда очки Кильки совсем съехали и он откинул их на лоб. А Андрей провел по мокрым волосам, создав из прилизанной прически хаос — за ненавистной елью зашуршало и показалась Белла.

Всё в ней легко: легкие босоножки, легкие шорты, легкость в походке и движениях, будто и нет жары — она невесома и свежа. Легкости нет лишь в глазах, холодных и надменных.

Ни на минуту не забывает, кто она и чья, но старается забыть — откуда. Она комплексует, в глубине души, старается забыть юность и влюбленность аспирантки в декана. Хождение по мукам, светлые кудри по плечам, мини и алую помаду, немое обожание, трепетное слияние и снисходительное: «Выходи за меня! Как жена, ты подходишь мне. Да и пора уж остепениться…». Визги, писки, кольцо, прыжки до потолка её подруг, рестораны, магазины — преображение. А дальше: зависть, отстранение, высокомерие и замкнутость в круге интересов мужа, да и не интересно ей ничего больше.

— Ну, что, заждались? — Белле приятно внимание и она не спешит. Усаживается в освободившееся кресло, достает из сумки воду, неторопливо пьет, из-под ресниц наблюдая за нетерпением друзей.

— Не томи! — дрожащий голос мужа, как сигнал к действию. Отставлена в сторону вода, извлечен планшет, фотографии и бумаги.

— Вот! — Белла находит в планшете нужное видео. — Вот оно! Сам процесс размылся почему-то, едва видно, но если приблизить… Итог есть! — поворачивает экран к друзьям.

Те жадно вглядываются в изображение, кто-то выхватывает из рук устройство, кто-то тянется к фото и на пару мгновений замирает жизнь вокруг, стихают звуки и время словно останавливается, а Марк, всматривается в тропинку и в старую ель, будто прислушивается, будто силясь что-то вспомнить.

Переглядываются ученые, в глазах торжество и восторг, и недоумение, и тихий голос Андрея:

— Поздравляю, коллеги! Свершилось! — а дальше, сумбур, перекрикивания, обнимания и рукопожатия, сверка с документами, споры и отрицания фактов.

— Я же говорил, случится чудо!

— Ну, тебя, Килька, с твоими чудесами! Теперь не до чудес, условия надо создать оптимальные — не дать клетке умереть. А лучше, заставить делиться и размножаться и тогда…

Марк чешет закусанную макушку, и не может скрыть радости:

— Можно открыться ученому сообществу! Вы представляете, какой будет фурор?

Забыта тропинка, забыта ель, забыты муки ожидания. Малиновый закат кидает прощальные жаркие лучи на оживленную группу людей. Лес неподвижен и вечен, и полон птичьих неугомонных трелей, да старый дом глядит слепыми окнами, нахмуренными ставнями. И бурая черепичная крыша, словно в мрачном предчувствии изборожденный морщинами лоб. Весь этот первозданный уголок планеты наблюдает сейчас, как вершится история, и не знает к чему приведет беспечность ученых мужей и их кажущееся на первый взгляд безобидным открытие. Разве что старый дом знает, смутно он догадывается, что на этот раз, вряд ли обойдется.

— Когда поезд? Успеем? Бегом! Скорее!

— Белла, помоги собраться!

В утомленных глазах женщины отблески заката, а лицо мягко и безмятежно освещаемое теплым светом повернуто к мужу. Но он не замечает ее красоты и молодости, не придает значения тому, как она сейчас хороша — привык, да и происходящее в лаборатории всегда важнее.

— Конечно, Андрей, сейчас организую…

ДЕНЬ ВТОРОЙ

В полутемной, душной лаборатории, знакомая нам троица друзей. Марк, небритый, в некогда белом, а теперь повсеместно заляпанном медицинском халате, без пуговицы на выпирающем животе, отупело и не мигая смотрит в микроскоп, встроенный в стекло герметичного куба. По обе стороны от него, его соратники. Белоснежно-выглаженный аристократ Хворостинский и Килька — в одеянии мешком висящем на тощей фигуре.

— Дай посмотреть!

— Что там? Условия подходящие?

— Условия оптимальные. — Пространно мямлит Марк. — Но не пойму, это уже не то, что мы видели. Одноклеточная водоросль вроде… Очень древняя. Глянь, Килька, я прав?

Превозмогая нетерпение, к микроскопу встает Килька:

— Да, древнейшая одноклеточная водоросль, по всем законам жанра эволюционировавшая с полтора миллиарда лет назад. — Взгляд его отрывается, рот кривится в подобие улыбки, а очки падают на кончик носа, — друзья, мы стали свидетелями зарождения жизни!

Его место тут же занимает Андрей:

— Подожди, не радуйся раньше времени, не вижу я у этой клетки желания размножаться, будто неживая она. Так и помрет, одинокой и неудовлетворенной! — он смеется своей шутке, отрывается от линзы и сведя черные брови к носу, смотрит через стекло на колбу в которой покоится водоросль.

Марк жмет покатыми плечами, скребет череп, также вперивает взгляд в куб:

— Полтора миллиарда, говоришь? Кислорода на планете в то время было в разы меньше, зато сероводорода, углекислого газа и метана, хоть отбавляй.

Друзья переглядываются, а Килька хлопает себя по лбу:

— Дурья моя башка! Конечно! Клетка в неподходящих условиях впала в анабиоз! — он мечется по помещению, хватая на ходу с лязгающих металлом полок банки с реактивами, — вот! Главное, соблюсти пропорции!

— Соблюдай! — с усмешкой говорит Андрей, — мы с Марком выпьем кофе, а то пять утра, знаешь ли… — и прикрывая деланный зевок, белой рукой увлекая замешкавшегося Марка, он следует в дальний уголок лаборатории.

К импровизированному буфету сотворенному из железного стеллажа, к столу, также железному, накрытому с легкой руки Беллы розовой скатертью.

Включает электрический чайник, насыпает кофе по чашкам:

— Что скажете, профессор? —дежурный вопрос, но для Марка это повод еще глубже уйти в себя.

Андрей резюмирует сам:

— Судя по выводам ученых о состоянии планеты на стадии зарождения жизни, так и было. Ни тебе атмосферы, ни тебе почвы — только вода, вулканы и палящее солнце! — он треплет и лохматит волосы, снова складывает и приглаживает. — Разогрев и вода. Кофе, вот тебе и вода.

Крик от стеклянного куба заставляет вздрогнуть:

— Она пошевелилась! Водоросль пошевелилась!

Чайник кипит выбрасывая пар из носика и крупно дрожа, в окна устремляются первые рассеянные лучи и освещают бледные от бессонной ночи лица присутствующих. Освещают обстановку лаборатории с вечным её хаосом: инструментами, приспособлениями, банками, пробирками, часто не подписанными и отнимающими время на разгадывание тайны их содержимого.

Марк отрывается от созерцания подопытной клетки и сдавленно шепчет, но шепот этот словно грохот:

— Вроде, если я не ошибаюсь, это и не водоросль вовсе — это бактерия! Поправь меня, Килька, если я неправ.

Рокировка. У микроскопа молодой экспериментатор, голос его срывается, а очки, не удержавшись на носу, со звоном падают на пол. Вдребезги.

— Не понял, этого не может быть!

— Так я прав?

— Безусловно! — ноль внимания на разбившиеся очки. — Бактерия. — Потер глаза, растерянно глянул на коллег, — теперь и мне кофе не помешает!

Возвращаются к столу в полном составе.

Килька предлагает:

— Может ей кислородика подбавить? Ведь задохнуться может. Живая…

— Подбавь.

Со вздохом и чашкой в руках, Килька плетется к кубу, шуршит, скрипит, слышится хруст раздавленных стекол, все еще валяющихся на полу очков, и возглас:

— Где же Белла? Мне нужны новые очки, без них я совершенно слеп!

— Я здесь! — благоухая свежестью и мылом, подтянутая и бодрая, несмотря на трудную ночь, она заходит.

Тут уже ночь уступает место утру и оживает пространство. Выужены из сумки очки для Кильки, коих у Беллы не менее десятка, достается из шкафчика щетка на палке и совок — минута и пол чист. Открываются окна, за ними рощица и автострада, из рощи разноголосье птиц, а с автострады шум, сигналы и рычание длинномеров. Влажный рассветный воздух проникает в помещение и присутствующие оживляются, горячатся, принимаются обсуждать. Под воробьиное чириканье, под шелест шин, под вполне земные звуки и запахи, не так все и туманно как кажется на первый взгляд.

— Может мы поначалу ошиблись? Может там и была бактерия?

— Я — не я, если там была бактерия!

— А ты, и не ты, ты Килька!

— Я, может, и не я, но не слепой!

— Ага! А кто недавно говорил, что совершенно слеп?

От куба слышится возглас Беллы, оглушает он и шуточную перепалку, и светлое августовское утро, и птиц, и автостраду:

— Какой симпатичный червячок! Это дождевой? — Белла имеет отличное образование. Хоть и незаконченное по потребности мужа видеть ее ежесекундно возле себя, и пользоваться

ее услугами, как помощницы, домработницы, ассистентки, так и жены и любовницы, но здесь она бессильна.

— Андрей, подойдите! — очень хочется ей притвориться глупышкой, дабы потешить самолюбие супруга, и дать ему первому ответить на вопрос.

Сбегаются все, но именно Хворостинский, по зову жены, встает к микроскопу:

— Н-да… жгутиковые. А, нет, кишечнополостные или вовсе плоские. Собственно, сейчас я наблюдаю эволюцию семимильными шагами. - И эта улыбка — самодовольная, и торчащие вперед белые зубы, и несмотря ни на что, аккуратный вид — раздражают его коллег, а еще больше тот факт, что не они у станка, а этот зазнайка.

Разочарованно и слепо Килька смотрит за стекло, а Марк протягивает, будто силясь вспомнить что-то:

— Возможно, стоит открыться? Собрать ученый совет? Как-никак, частица отрицательная… — его не слушают.

На минуту в лаборатории воцаряется тишина, лишь из распахнутого настежь окна вездесущий уличный гомон, да слышно как причмокивает Андрей, пытаясь уследить за преображением подопытного объекта.

А через минуту тишины, микроскоп стал не нужен — объект видно невооруженным глазом. Особь вылезла из колбы, выросла до размера мелкого членистоногого, темного и полупрозрачного, с черными точками глаз.

— Ой! — восклицает Белла, – он смотрит, да как разумно!

Первым из ступора выходит Андрей, развернувшись к жене, он почти кричит:

— Белла! Кофе! Копировать съемку на флешкарту, мы идем сдаваться! А пока, кофе!

Белла бледнеет, молча и понуро следует к столу, набирает в чайник воды, ставит, давит на кнопку, затем глядит на мужа, а в глазах такой ужас, будто и не муж перед ней, и не коллеги его, а привидение и два вампира.

— Что? — голос Хворостинского как металл.

Белла опускает глаза, скользит взором по полу, и шепчет:

— Кто-нибудь включил камеру? — затем смелеет. — Я-то была дома, а кто-нибудь из вас, таких великих и ужасных, додумался? — взгляд ее мечется и устремляется к лампочке камеры, что чернеет, не думая загораться без помощи людей. Троица смотрит туда же.

Килька снова роняет очки, на этот раз видимо нарочно, хватает в кулаки волосы и стонет. Хворостинский мрачнеет. Марк, молча и с тупым равнодушием, подходит к кубу и констатирует:

— Коллеги, особь-то скончалась.

Коллеги следуют за ним. И правда, высохшее паучье тельце с отвалившейся лапкой, блекло смотрит на микроскоп. Что-то хрустит в звенящей тишине — это Килька наступает на валяющиеся на полу очки. Мыском шлепанца он отшвыривает их в сторону:

— Все пропало! Еще и видео нет!

Друзья сумрачно и жалко глядят на останки подопытного.

Хворостинский вздыхает, и срывающимся голосом предлагает:

— Пойдем, напьемся? Потом подумаем что делать, потом… — разворачивает собратьев по несчастью за плечи и будто пытаясь заглушить щемящее разочарование, привычно хохмит. — Пойдем, не будем долго горевать по усопшему, пусть покоится с миром.

Шаркая и на ходу снимая халаты, они бредут к двери. Возле куба, в одиночестве, остается лишь Белла — ее проигнорировали, не позвали, ведь она не часть их команды — она чужая. Злые слезы стоят в ее глазах и осознание проваленного эксперимента только раззадоривает ее поплакать.

Всегда, так было, и видимо будет — он делит горе не с ней. Ни разу, муж не сказал ей о любви, а лишь о потребности. Она привыкла ассоциировать фразу: «Что бы я без тебя

делал?» — с фразой, «Я не могу жить без тебя!». А, «Почему тебя не было так долго?» — с, «Я скучал!». То, что в ее отсутствие рядом, он названивает каждую минуту — она понимает, теша себя, как необходимость услышать ее голос. А то, что дергает по пустякам — как крайнюю зависимость от ее мнения. Вот, только, никогда в их семье не говорят о любви или страсти и о детях тоже не говорят.

Поначалу было рановато, затем не время, а последний год и вовсе — на уме только эксперимент. Да и как это можно представить ей стать матерью, если главный ее ребенок — муж, требующий постоянного внимания и заботы? Ведь он так беспомощен! Взять хотя бы сегодняшний случай с камерой. Ну не дети? Один другого беспомощней!

Белла смахивает досадливую слезу и от беспокойства, стараясь предупредить последствия, поворачивает рычаг куба на автомат. «Пусть полежит пока. Наверняка, когда эти светила науки пропьются, захотят разобрать паучка на составляющие.» — с этими мыслями, она берет щетку, дабы собрать осколки очередных очков разбитых Килькой. «Этот щегол, очки не надел!» — тут уже из глаз потоком слезы, — «и зачем я их таскаю? Муж попросил!».

Августовское утро полноправно заглядывает в лабораторию, освещает мягкими лучами и куб, и плачущую женщину, что отбросив щетку, подошла к окну глотнуть воздуха. Подошла подумать, что она молода и красива, а жизнь за окном так многогранна. Подошла вспомнить добрачные годы юности и пылкости, что давно уж стерлись в быту и каждодневных хлопотах: а так бы хотелось! А чего бы хотелось женщине, у которой на поверхности, есть все?

Оголтелости, куража, бездумности и безумия, смеха, пикников, поцелуев украдкой и наивной влюблённости. Всего того, чего она лишилась, выйдя замуж.

Но она любит мужа! К тому же, там, на стоянке, припаркована ее новенькая беленькая машинка, на которой она сейчас поедет в шикарно обставленную квартиру, а на выходные — загородный дом, не менее шикарный, с садом, клумбами, и даже теплицей.

Белла смотрит на циферблат золотых часиков. Восемь утра. Расправляет плечи, отирает лицо, вспоминает хрущевку матери, штопаные колготки, и совсем с другим настроением:

— Все-таки, жизнь удалась!

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

В квартире Марка трезвонит стационарный телефон, а из спальни заливистый храп. Открывается соседняя дверь и шаркая по полу ветхими тапками к тяжеловесному аппарату подходит старушка — мать Марка. Голова ее трясется, а голос дребезжит как старая телега, но в движениях тихая интеллигентность, как и в квартире, что, несмотря на лакированную советскую мебель, обставлена со вкусом и чистотой спокойного увядания и достойного смирения с неизбежным — со старостью.

— Да! Ага! Разбужу и передам! — аккуратно и бережно кладется трубка, снова шарканье, теперь в сторону храпа, а через минуту тихих переговоров, вместо храпа, крик:

— Бегу! Мама, где мои брюки? Ай-ай, носок прохудился! Да ладно, и так сойдет! Мама, не надо мне других носок! — чмоканье, дребезжащий голос старушки и вскрик. — Мама, я не буду завтракать, некогда мне. Папа тоже не завтракал когда торопился! Перестань меня целовать!

Шорох в прихожей, громкий хлопок входной двери и тишина. Старушка стоит еще некоторое время, жмёт в руках носовой платок, вытирает им слезящиеся глаза и также шаркая, идет в свою комнату, тем же платком на ходу протирая пыль.

Марк, бегом преодолевает ступени мчится навстречу похороненному ранее эксперимент. Ведь ночевавший в лаборатории Килька, удумавший пьяным глазом разглядеть трупик паучка поближе, разглядел в нем то, что заставило его протрезветь. В членистоногом обнаружилось яйцо. И вот, теперь, Марк бежит к супермаркету, около которого его ждет семья Хворостинских, на авто, дабы забрать, и привезти точно по адресу. Мало ли что!

Все знают, как Марк умеет находить себе проблемы в большом мире, то бишь, на улице, да и живы еще в памяти его последние приключения. Например, в метро, где он покатил в противоположную сторону и после - потерялся. Или в автобусе, где на него напал кондуктор с целью взять оплату проезда, да Марк забыл в этот день и кошелек, и мобильник, и потому за безбилетный проезд его тут же высадили, впоследствии чего он благополучно опять потерялся.

— Яйцо, хм, надо же! — бормочет Марк себе под нос, и будучи уже в машине, и поднимаясь по ступеням в лабораторию, все отстраненно, будто копаясь в воспоминаниях и не обращая внимания ни на Андрея, ни на Беллу. Ни на Кильку, что встречает в самом растрепанном виде и с дрожащими от перепоя и нетерпения руками.

Плачущим тоном Килька просит Беллу предоставить ему очки, а Белла со снисходительной улыбкой выполняет его просьбу.

— Куда бы вы без меня? — на Беллу ноль внимания.

Все внимание на малюсенькое, зеленоватое, абсолютно круглое яичко, что лежит на столе и странно дергается из стороны в сторону, будто маятник.

Килька шепчет:

— Как вы думаете, кто там?

Андрей еще тише:

— Из него сейчас что-то вылупляется? — оглядывает собравшихся растерянно и мутно, — что делать-то?

Оживляется Марк:

— Чего это мы? Ведь мы рискуем! В куб его, за стекло надо! — тяжело снует по помещению, ищет чего-то, сам не понимая чего, но поздно.

От яйца откалывается осколок скорлупы и из щели глядит миниатюрная змеиная головка — идеально черная, с крохотным раздвоенным язычком. Копошение, шелест, и упругое тонкое тело выползает наружу.

Тройка ученых, словно под гипнозом, восторг в осанках за непрерваный таки эксперимент и страх, и боязнь пошевелиться. Не под гипнозом Белла, она заходит сзади, и прозрачной глубокой крышкой, сверху, накрывает подопытного.

Змейка не боится и не убегает, только смотрит с любопытством и будто с усмешкой вертикальными узкими зрачками и поднимает голову, будто в попытке встать.

Все выдыхают, гомон, возгласы, рукопожатия:

— Друзья! Коллеги! Я уж думал, все пропало!

— Это все дано свыше! Не случайно все!

— Провидение, черт возьми! И Белла умничка, если бы не она, если бы не подключила автоматический режим…

— Наука! Мы молодцы, ну и Белла конечно, не зря я на ней женился! Толковая…

Марк скребет седую голову что есть мочи. И в физиономии его обалделой, и радость, и опаска, но больше радости, а губы —полные, красные, сходятся гармошкой из-за невозможности скрыть улыбку, но как всегда резонно:

— Кто-нибудь снимал?

Мотают в отрицании головами друзья, но для них это уже не так важно, важно лишь, что «шоу» все еще продолжается.

— Один хрен начала нет, так что уж теперь?

— Что дальше?

— Теперь ее в изолятор надо!

Прошли к изолятору.

— Водички бы туда, змеи воду любят…

— Температурный режим, какой?

— Думаю температуру не высокую, с теплым лучом в угол, где можно погреться.

От стола слышится:

— Ой, а где? Убежала змейка!

В лицах ученых такой животный ужас и страдание, что Белле неловко за себя, и вся она такая бесполезная и растяпа, и виновата тоже она.

Бегут искать, бешено вращая глазами и лопоча:

— Главное, дверей не открывать! И окон! Найдется, никуда не денется!

Тихий шепот Беллы как ушат ледяной воды.

— Змейка маленькая, может в любую щель пролезть.

Останавливаются на мгновение и снова суета.

— Надо заткнуть все щели!

— Чем?

Снова Белла, комкает какую-то бумагу:

— Быстрее!

— Скорее! Марк! Чего стоишь? Помогай! — заглядывают в углы в поисках предполагаемых щелей, и вдруг звук. Будто взмах крыльев. Застывают, прислушиваются, лихорадочно вглядываются в пространство, пытаясь понять, откуда он.

Из-под стола тень, трепет и птичий писк. Напряжение электрическое.

— Кто смелый? — бормочет Килька.

Но таких нет, да и смелость теперь ни к чему. Черное пятно шевелится, и поднимая пыль, летит к окну. Свистит, бьется в стекло, пролетев над потолком круг, опускается на плечо к Белле. Белла бледнеет, рот ее раскрывается уж закричать, но пятно опускает голову и проводит по белой щеке, ластясь.

Марк обалдело тянет:

— Голубь! Это черный голубь, коллеги.

Спустя час, обпившиеся кофе и разомлевшие после вчерашней попойки ученые, спокойно восседают за столом, косясь на Беллу, что гладит воркующего голубя и цокает ему, призывая к общению.

— Как это понимать, коллеги? – спрашивает Андрей. — Мне интересно ваше мнение.

— Мое мнение не изменилось — чудо! — отвечает Килька, глядя поверх очков и шумно прихлебывая из чашки. — Эволюция из клетки в птицу, всего за два дня! Кстати, птице нужна клетка.

— Угу. А вы думаете, процесс завершен?

— По крайней мере, за час ничего не произошло… — говорит Андрей, подозрительно глядя, как Белла сюсюкает голубую. — судя по темпу прогресса до этого — за час, птица должна стать самолетом. — Он усмехается шутке. И Белла по инерции выдавливает смешок.

— Подождать думаешь? — интересуется Марк, и вздохнув протягивает, — эх, тревожно мне чего-то… Не пойму. Может, отчитаемся перед сообществом и свернем эксперимент?

— Ха! И чего мы им покажем? Снять не получилось!

— Ты забываешь про авторитет, Андрей. Кстати, сейчас-то хоть камера включена?

— Включена, работает, да поздно. По моему мнению, вполне возможно, что процесс завершён. А одного авторитета мало… Тебе ли не знать? Взять хоть и твоего отца.

Соглашаются, кивают.

— Возможно, стоит все повторить, но на камеру. — Муж мрачно наблюдает за действиями жены, что тянет ладонь и приглашает птицу перебраться. Голубь крутит черной головой, оценивающе смотрит на Беллу и устраивается на запястье.

— Совсем ручной! — восторженно шепчет Белла. Тянется к птице лицом, губами, получает подобие поцелуя по-птичьи — по позвоночнику ток, поворачивается, чтобы глянуть на собравшихся другими глазами. Видится ей Марк бесформенной перезрелой грушей, Килька

дохлым, ноющим червяком, а муж нарциссом и эгоистом. И только этот удивительный голубь и его поцелуй по-настоящему стоят чего-то.

Хворостинский бледен, тени ревности на лице:

— Оставь подопытного в покое! — почти рычит он.

Белла глядит вопросительно, но все же спускает голубя на стеллаж.

Андрей успокаивается, виновато озирается и более покладисто продолжает:

— Кто его знает? Он может быть больным. Укусит. То есть, клюнет... В общем, подождем! Если эволюция не продолжится, будем изучать птицу на клеточном уровне. А там, можно будет и по новой, на камеру.

Белла прерывает монолог:

— Вы хотите убить его и разобрать на молекулы?

Андрей хмурится:

— Конечно, но тебя это мало касается. Наша задача — вытащить из него все, что он может дать науке, а не придаваться сантиментам!

Белла сдавливает рот в полоску, энергично хватает птицу, глядит на мужа, на голубя и решительно заявляет:

— Не позволю! Он живой!

Блестящие черные глаза-бусины голубя смотрят с благодарностью — а вот карие бусины Хворостинского, с яростью.

Он так же решительно встает, и пытается вырвать птицу из рук жены. На мгновение между ними завязывается борьба, вследствие которой, птица высвобождается и хаотично порхает над головами борющихся. Белла сдается, тяжело дыша, наблюдает за полетом.

Хворостинский цедит:

— Кто ты такая, чтобы мешать ученым делать свою работу?

Кровь отливает от лица его супруги:

— Ах ты так? — подскакивает к окну, распахивает его настежь. — Лети! — нервно кричит голубю, — улетай от этих. Этих, садистов!

С улицы все-то же чириканье и шум автострады, тянет жарой и далекими грозами — только вот голубь и не думает улетать. Наоборот, он устраивается поудобнее на стеллаже и с интересом смотрит на действия супружеской четы, низко и приятно воркуя.

— Вы чего? — ошарашено вопрошает Килька. — Что на вас нашло?

Хворостинский невидящим взглядом оглядывает помещение, потом свою жену, вздыхает, треплет уложенные волосы и бормочет:

— Не знаю. Вероятно с похмелья… Белла, домой!

Закрываются створки окна. Белла подходит к голубую. Прощаясь, ласково треплет его голову, проводит по блестящей спинке и любовно щекочет шею.

— Пошли! — властно торопит Андрей, — Марк, ты едешь?

— И меня подбросьте! — просится Килька, подходя к подопытному. — Удивительно красивый голубь! — протягивает руку, трогает, дергается словно обжегшись. Осматривает свою фигуру, одежду. Вдруг выправляет плечи, приосанивается и мутно глядит на птицу. — Удивительно красивый…

Едут молча. Белла бледная и с лихорадочным румянцем — за рулем. Андрей, ерзающий, и вся палитра чувств от сожаления, до уязвленного самолюбия на лице. Марк погружен в себя. Килька с закрытыми глазами и откинувшись на подголовник.

Килька и выходит первым, прощается, не глядя ни на кого, стеснительно откашливается и обращается к Белле:

— Как ты считаешь, может мне попробовать носить контактные линзы? А то очки… как-то поднадоело. Бьются то и дело.

Белла не поворачиваясь, жмет плечами. Андрей фыркает и машина трогается.

Марка довозят до подъезда.

— Маме, привет! — в шуточной форме говорит Андрей, но получается раздраженно и не к месту.

Марк, будто додумавшись до чего-то, будто вспомнив, задает вопрос:

— Голубь, голубем, но почему такой черный? Не белый, не сизый, а черный? Как ворон? Не связано ли это с тем, что произошел он все-таки от отрицательной частицы? И ваше поведение, опять же, никогда не видел вас такими… — он вылезает, кряхтя. На секунду впускает шум двора и смех детей на площадке, хлопает за ним дверь и звуки улицы сменяет тишина.

Опять молчание. Хворостинский прерывает его первым:

— Обиделась?

Белла молчит. Андрей поправляет рукав рубашки:

— Помялась. Погладишь?

Молчание.

— Ну вот, чего ты влезла? Сдался тебе этот голубь? Сколько мы мышей замучили, беленьких и няшных, и ничего! А тут — живой, видишь ли…

Белла резко поворачивается, и муж не узнает жены, столько жара во взгляде:

— Не смей его трогать! — говорит глухо, с придыханием и твердо как гранит.

Хворостинский задыхается, щурится и чеканя каждую букву произносит фразу, что впоследствии, для Беллы станет поводом к совершению непоправимого:

— Ты, девочка, вероятно забыла, кто ты и откуда? И что полномочия у тебя здесь примитивные: принеси, подай, пошла на хрен не мешай! И потому... Пошла на хрен, не мешай — мой тебе ответ!

Белла пунцовая, вдавливает педаль газа с такой силой, что визжат ремни. Автомобиль резко срывается с места, оставляя позади себя облако пыли, жаркий галдящий двор, и спугнув голубей с дороги. И сизых голубей, и белых, и рябых, и даже черных. Но не настолько. Черных как вороны нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.